

ской») обычая. Они принадлежат разным уровням культуры и выполняют различные функции. Во всяком случае, проблема соотношения ритуала и обычая (как, впрочем, и других стереотипизированных форм поведения — игры, моды, этикета) никак не может считаться решенной.

Нами сформулирована лишь небольшая часть вопросов этнографического изучения стереотипов поведения. Можно указать еще на целый ряд проблем, ждущих своего рассмотрения. К их числу относится, например, исследование динамических свойств стереотипов, их «устойчивости к помехам» во времени, смысла традиционной «автокоммуникации», осуществляемой посредством стереотипов поведения, и др. Важно то, что необходимость работы в этом направлении осознается все острее, и это вселяет надежду на дальнейшее обсуждение широкого круга вопросов этнографического изучения стереотипных форм поведения.

Л. В. Остапенко, А. А. Сусоколов

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СТУДЕНЧЕСТВА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Уровень высшего образования служит одним из важных показателей социально-экономического развития общества. В работах советских ученых раскрыта значительная роль высшего образования в совершенствовании социальной структуры населения СССР, усилении его однородности, росте культурного потенциала. В ряде исследований в той или иной мере освещались и национальные аспекты данной проблемы. В последние годы внимание ученых к национальным особенностям воспроизводства квалифицированных кадров рабочих и служащих заметно усилилось¹.

В документах партии и правительства было обращено внимание на необходимость более строгого учета региональной специфики в подготовке и использовании трудовых ресурсов. Однако в целом динамика национального состава студенчества в союзных республиках изучена пока недостаточно.

В данной статье уделяется внимание проблеме изменения национального состава студентов высших учебных заведений союзных республик на примере коренных национальностей и русского населения. Авторы использовали архивные данные вузов союзных республик, материалы справочников «Народное хозяйство», переписи населения, а также результаты этносоциологического исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», проводившегося в 1970-е годы Сектором конкретно-социологических исследований по проблемам культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна в пяти союзных республиках: РСФСР, Молдавии, Грузии, Эстонии и Узбекистане.

¹ См., например: *Арутюнян Ю. В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР.— *Сов. этнография*, 1972, № 3; *его же.* Изменение социальной структуры советских наций.— *История СССР*, 1972, № 4; *Арутюнян Ю. В., Дробизжева Л. М.* Этносоциологическое исследование в СССР.— *Социол. исслед.*, 1981, № 1; *Дробизжева Л. М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981; *Приходько Ф. Н.* Анализ влияния фактора «национальный статус» на образовательные возможности личности в советской системе высшего образования.— *Уч. зап. Том. ун-та*, 1972, № 82; *Руткевич М. Н.* Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре.— *Социол. исслед.*, 1981, № 2; *Беляев Е. А., Дубинкин В. Г.* Рост численности научных кадров в союзных республиках (1917—1970 гг.).— *История СССР*, 1972, № 5; *Зезина М. Р.* Изменение численности и состава интеллигенции союзных республик в условиях развитого социализма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1976; и др.

К началу социалистического строительства в нашей стране «стартовые позиции» союзных республик в области высшего образования были весьма различны. В 1914—1915 гг. на нынешней территории Советского Союза функционировали 105 высших учебных заведений, из которых 72 находились в нынешних границах РСФСР, 27 — на Украине, 4 — в Эстонии, 1 — в Латвии. Кроме того, в Тифлисе тогда работали высшие женские курсы, выпускавшие менее 100 человек в год. В остальных регионах нашей страны высших учебных заведений вообще не было. У многих национальностей практически отсутствовала собственная национальная интеллигенция как особая социальная прослойка.

Уже в первые десятилетия Советской власти во всех союзных республиках была создана сеть высших учебных заведений, однако различия между республиками в этом плане продолжали сохраняться еще довольно долго. Так, например, в начале 1940-х годов на долю РСФСР и УССР приходилось около 70% высших учебных заведений Советского Союза, в которых обучалось 83% всех студентов страны. Это заметно превосходило удельный вес жителей данных республик в населении СССР. Число студентов на 10 000 жителей колебалось в разных республиках от 82 (Армения) до 10 человек (Молдавия), что определялось прежде всего степенью урбанизированности и грамотности местного населения, его хозяйственными и семейно-бытовыми традициями, особенностями исторического пути. Развитие системы высшего образования происходило медленнее на территориях, позже других вступивших в состав СССР.

Благодаря последовательной политике Советского государства шло постепенное увеличение абсолютной численности студенчества во всех республиках и одновременно сокращение относительных различий между ними по этому показателю. Заметно повысилась доля студентов в ряде республик, ранее отстававших в данном отношении. По сравнению с 1940 г. в 1970 г. число студентов на 10 000 населения возросло; в Белоруссии — в 5 раз, в Казахстане — в 7, в Литве и Молдавии — в 9, а в среднем по СССР — в 4 раза. В 1981/82 учеб. году в СССР на 10 000 жителей приходилось 196 студентов, в том числе в РСФСР — 219, Армении — 176, Азербайджане — 173, Узбекистане — 172, Грузии — 171, Киргизии — 152, Таджикистане — 142 и т. д.²

Повышение доли студенчества в населении всех союзных республик происходило одновременно с ростом в нем удельного веса молодежи коренных национальностей. С первых дней существования Советской власти политика нашего государства была ориентирована на более активное вовлечение в состав квалифицированных кадров представителей местных национальностей. Им были предоставлены определенные льготы при поступлении в высшие учебные заведения как своих, так и других республик, в частности в вузы УССР и РСФСР, где готовили национальные кадры для всех регионов. Еще в 30-е годы во многих республиках началась интенсивная подготовка собственных квалифицированных специалистов³. К концу 50-х годов в 7 из 15 союзных республик (Грузия, Казахстан, Эстония, Литва, Армения, Азербайджан, РСФСР) доля молодежи коренной национальности среди студентов была равна доле лиц этих национальностей в населении соответствующих республик или превышала ее. В остальных республиках удельный вес студентов из числа лиц коренных национальностей оставался еще несколько ниже удельного веса представителей этих национальностей в составе республик⁴. В по-

² СССР в цифрах. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 24.

³ В данной статье, говоря о специалистах и интеллигенции, мы имеем в виду только лиц с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, что определяется конкретными задачами работы. Далее эти термины употребляются без специальных оговорок.

⁴ В современных условиях оптимальными считаются такие показатели, при которых национальный состав всех студентов данной республики соответствует национальному составу ее населения в целом. Но это лишь идеальное соотношение, так как в реальной действительности оно нарушается под воздействием целого ряда факторов, таких, как миграция абитуриентов между республиками, льготы, предоставляемые отставшим в прошлом национальностям, демографические различия в системе нацио-

следующие годы во всех союзных республиках шло дальнейшее увеличение как абсолютного, так и относительного представительства лиц коренных национальностей среди студенчества. Особенно интенсивно развивался этот процесс в тех республиках, где доля лиц коренной национальности среди студентов была еще непропорционально мала (в сравнении с долей лиц этой национальности в составе республики). За 20 лет (с 1960 по 1980 г.), например, процент молодежи коренной национальности возрос: в вузах Узбекистана в 1,4 раза, Киргизии — в 1,5, Молдавии и Таджикистана — в 1,3 раза, в то время как в РСФСР, на Украине, в республиках Прибалтики и в Армении он почти не изменился. Благодаря этому сокращались различия между республиками по показателям вовлеченности молодежи коренных национальностей в состав студенчества. Так, коэффициент вариации показателей представительства⁵ лиц коренных национальностей союзных республик в вузах своих республик, уменьшаясь с каждым десятилетием, к концу 1970-х годов составлял всего 12%. Различия между республиками в этом плане оказались, таким образом, к настоящему времени весьма незначительными.

Тем не менее важно выделить республики, где высокий уровень представительства лиц коренных национальностей среди студенчества сочетается с уже достаточно значительной долей специалистов этих национальностей среди всей республиканской интеллигенции (Грузия, Эстония, Литва, Армения, РСФСР). В то же время для ряда республик повышение интенсивности формирования национальных студенческих отрядов более значимо, так как в составе всей республиканской интеллигенции доля специалистов коренных национальностей ниже представительства лиц этих национальностей в населении (республики Средней Азии, Молдавия).

Одним из путей повышения доли лиц коренных национальностей в составе студенчества служит более широкое привлечение к учебе в высших учебных заведениях сельских жителей, составляющих большую часть коренного населения. Основой протекающего в настоящее время закономерного процесса дальнейшего возрастания роли коренных национальностей во всех сферах жизни республик явилось развитие процессов индустриализации и урбанизации. Однако было бы упрощением сказать, что масштабы воспроизводства национальной интеллигенции сейчас непосредственно связаны, например, с численностью городских жителей, принадлежащих к данной национальности. Так, в настоящее время среди украинцев горожане составляют 53%, среди белорусов — 49, грузин — 47, узбеков — 24%, а число студентов этих национальностей на 10 000 населения соответственно равно 151, 169, 190, 163. Влияние процессов индустриализации и урбанизации ведет к постепенному сближению условий жизни в городе и на селе; возможности получения высшего образования сельской молодежью растут.

За последнее десятилетие численность студентов, приехавших из села, существенно увеличилась во всех республиках. Весьма показательным примером в этом плане может служить Узбекистан. Несмотря на сокращение доли сельчан в составе населения всей республики, удельный вес сельских жителей в вузах с 1971 по 1979 г. увеличился с 59 до 61%, превысив их долю в населении республики. В большинстве других республик с высоким процентом сельского населения доля сельчан среди студентов дневного обучения соответствует их доле в составе населения республик.

нальностей и республик и т. п. Учитывая все это, мы все же для удобства анализа материалов и проведения необходимых сопоставлений будем сравнивать долю лиц данной национальности среди студентов или специалистов республики с долей представителей этой национальности в составе всего ее населения.

⁵ Показатель представительства лиц коренных национальностей в составе студенчества определялся по формуле

$$\frac{\text{доля лиц коренной национальности среди студентов республики}}{\text{доля лиц коренной национальности в населении республики}} \times 100.$$

Естественно, еще не во всех вузах процент учащихся из села одинаков. Если в учебных заведениях сельскохозяйственного и педагогического профиля он выше или равен доле сельчан в населении, то, например, в медицинских, художественных, инженерно-технических вузах ощущается необходимость его повышения. Это особенно важно в связи с быстрым развитием в сельской местности промышленности и строительства, индустриализацией сельскохозяйственного производства, совершенствованием культурно-бытовых условий.

Определенный прирост интеллигенции из числа лиц коренных национальностей в республиках Средней Азии, по всей видимости, будет происходить и за счет более широкого вовлечения в вузы женской молодежи. Доля узбеков, таджиков, туркменок с высшим и средним специальным образованием ниже, чем доля мужчин тех же национальностей, соответственно в 2; 3,5 и 3,1 раза. Однако абсолютная и относительная численность девушек этих национальностей в составе студенчества постоянно повышается, что говорит о важных переменах в образе жизни женщин среднеазиатских республик, в их ценностных установках. Так, процент узбеков, туркменок и таджиков в общей численности студентов данных национальностей с 1960 по 1979 г. возрос более чем в 1,5 раза. Тем не менее различия в республиках по этому показателю еще сохраняются. Так, в конце 70-х годов на 10 000 узбеков приходилось 115 студенток, а на то же число их землячек-русских — 230. Подобная ситуация характерна и для Таджикистана и Туркмении. В то же время в Грузии, Армении, республиках Прибалтики доля женщин среди студентов коренных национальностей такая же, как среди русских, или даже несколько выше. В основе этих различий лежит, видимо, своеобразие образа жизни лиц разной национальной принадлежности прежде всего в семейно-бытовой сфере; важную роль играют возраст вступления в брак, число детей в семье, отношение к женскому труду вообще, к овладению женщинами профессиями умственного квалифицированного труда в частности, и т. п.

Показатели воспроизводства национальной интеллигенции непосредственно связаны с уровнем представительства в студенчестве союзных республик инонациональных групп, живущих в них. Рассмотрим эту взаимосвязь на примере русских — одной из наиболее многочисленных инонациональных групп в союзных республиках (естественно, кроме РСФСР). В течение определенного времени в большинстве республик доля русских среди интеллигенции и студенчества превосходила их долю в населении республик. Так, в 1960/61 учеб. году уровень относительного (в сравнении с долей в населении) представительства лиц коренных национальностей в вузах превышал соответствующий показатель по русскому населению лишь в трех республиках (Казахстан, Грузия, Эстония). К 1979/80 учеб. году аналогичное положение наблюдалось уже и в Литве, Киргизии, Армении. Рост удельного веса лиц коренной национальности и соответственно уменьшение доли русских среди студенчества происходили во всех республиках, хотя и с разной степенью интенсивности.

Непропорционально сокращению численности русских в населении республик в целом снизилось их представительство в студенчестве республик Средней Азии, Казахстана, Армении, Грузии. Особенно заметно развивался этот процесс в последнее десятилетие. На фоне уменьшающегося диапазона различий между республиками по общим масштабам подготовки специалистов, в том числе из лиц коренных национальностей, происходила их дифференциация по степени участия в воспроизводстве республиканской интеллигенции молодежи коренной и русской национальностей. Чем выше была интенсивность подготовки национальной интеллигенции, тем меньше ощущалась необходимость в трудовой помощи со стороны инонационального населения республик. Там, где потребность в специалистах оставалась достаточно высокой (республики Средней Азии, Молдавия), русские, несмотря на весьма заметное снижение их доли в студенчестве, не только широко представлены среди всей республиканской интеллигенции, но и продолжают составлять довольно значительный отряд студенческой молодежи. В Казахстане и Литве пред-

ставительство русских в вузах существенно снизилось, но они по-прежнему составляют здесь значительный процент специалистов с высшим образованием. В Грузии и Эстонии доля русских среди специалистов и студентов примерно в 2 раза ниже удельного веса лиц этой национальности в составе населения данных республик и имеет тенденцию к дальнейшему уменьшению. Однако подобная ситуация не связана с какими-нибудь преимуществами для абитуриентов коренных национальностей при приеме в вузы. Напротив, русские в Грузии, как и в других республиках, в основном городские жители, уровень школьной подготовки которых, как неоднократно отмечалось в печати, зачастую выше, чем у сельчан. Соответственно, выше и вероятность их поступления в вузы. Так, в Грузии, где горожане составляют 80% русского населения республики и 41% грузинского, в конце 70-х годов среди абитуриентов, успешно сдавших экзамены и принятых, доля русских превышала долю грузин. В Тбилисский политехнический институт было принято 46% русских абитуриентов и 32% грузинских, в университет — соответственно 32 и 18%. Сравнительно малый контингент русских студентов объясняется низкой численностью абитуриентов русской национальности. Можно, видимо, сказать, что русские, живущие в Грузии, меньше ориентированы на получение высшего образования в своей республике, что частично связано с «перенасыщением» народного хозяйства Грузии собственными национальными кадрами интеллигенции, а также с необходимостью знания языка коренной национальности. Русская молодежь Грузии ищет иное применение своим силам или уезжает учиться в другие республики.

Изменение национального состава было характерно как для всего студенчества союзных республик, так и для его отдельных профессионально-отраслевых отрядов. Везде действовала общая тенденция повышения удельного веса молодежи коренных национальностей среди будущих специалистов, однако этот процесс в разных вузах имел свои особенности.

В первые десятилетия социалистического строительства большинство союзных республик испытывало недостаток в собственных квалифицированных кадрах по многим профессиям. Особенно необходимыми для большинства союзных республик были формирование и интенсивное воспроизводство местной производственной интеллигенции, в том числе технической. Сейчас отряд студентов политехнических вузов всюду один из наиболее многочисленных. Естественно, в разных республиках процесс подготовки инженерно-технических работников шел далеко не равномерно. Так, например, в Молдавии и Туркмении до середины 60-х годов отсутствовали высшие учебные заведения технического профиля. Это тормозило процесс пополнения ряда важных отраслей народного хозяйства новыми квалифицированными кадрами специалистов из среды местной молодежи.

К настоящему времени крупные политехнические вузы существуют во всех союзных республиках. Ежегодно в них рос контингент студентов; вместе с ним росла и доля юношей и девушек коренных национальностей. За последние два десятилетия в большинстве республик этот процесс приобрел массовый характер. С 1959 по 1979 г., например, процент молодежи коренной национальности, обучающейся в политехнических институтах своей республики, повысился в Грузии с 21 до 36%, в Эстонии соответственно с 21 до 29, превывсив удельный вес грузин и эстонцев в населении своих республик. Весьма важным было повышение темпов подготовки национальных кадров инженерно-технических работников в республиках Средней Азии и в Молдавии, где значительная масса населения коренных национальностей еще проживает в селе, а удельный вес лиц иной национальности, в том числе русских, среди инженерно-технического персонала достаточно высок. Наиболее быстрыми темпами по сравнению с другими профессионально-отраслевыми отрядами студенчества (за исключением студентов университетов) рос контингент узбекских студентов политехнических вузов. По абсолютной численности узбеки — студенты этих вузов — за 10 лет (с 1970 по 1979 г.) передвинулись

с четвертого на второе место, составив в 1979 г. почти 1/3 всех студентов-узбеков. Среди всей молодежи, обучающейся в политехнических институтах Узбекистана в конце 1970-х годов, доля узбеков составляла 53%, в то время как в 1970 г.— 41% (доля лиц этой национальности в населении республики — соответственно 69 и 62%). Удельный вес молдаван в политехнических вузах Молдавии возрос за тот же период с 55 до 60%, почти приблизившись к удельному весу лиц этой национальности в населении республики (64%). Конечно, приведенные цифры еще не говорят о том, что в названных республиках, как и в большинстве других (за исключением РСФСР, Грузии, Армении) уже совсем нет потребности в расширенном воспроизводстве технической интеллигенции из лиц коренных национальностей. Но налицо серьезные изменения в характере трудовой занятости местного населения, в профессиональных ориентациях молодежи.

Специфика национального состава разных профессионально-отраслевых отрядов республиканской интеллигенции в значительной степени объясняется историческими условиями ее формирования. Еще в первые годы социалистического строительства в остававшие в прошлом республики было направлено немало специалистов из более развитых регионов, прежде всего из России и Украины. Работали они в основном в новых развивающихся отраслях промышленности и в строительстве, где и раньше был велик процент некоренного населения. В конце 50-х годов во всех республиках доля русских среди специалистов и студентов технического профиля в несколько раз превышала их долю в населении. Постепенно в связи с ростом собственных национальных кадров этот показатель стал несколько снижаться. Но и сейчас всюду, кроме Грузии, удельный вес русских среди инженерно-технических работников и студентов соответствующих вузов превышает их удельный вес в населении республик.

В отличие от инженерно-технических работников пополнение сельскохозяйственных отрядов интеллигенции в значительной степени происходит за счет молодежи коренных национальностей. В целом по СССР за последние 15 лет численность студентов сельскохозяйственных вузов увеличилась почти в 2 раза. Но доля будущих специалистов сельского хозяйства среди студенчества почти не изменилась, а в некоторых республиках (РСФСР, Грузия) даже снизилась, что связано с уменьшением доли сельского населения, развитием в сельской местности промышленного производства, ростом потребности в высококвалифицированных кадрах промышленно-производственного персонала. Масштабы и интенсивность воспроизводства сельскохозяйственных отрядов интеллигенции в разных республиках, естественно, неодинаковы и зависят от развития самого сельскохозяйственного производства и его потребностей в специалистах. Еще в конце 50-х годов республики заметно различались и по степени представительства среди студенчества сельскохозяйственных вузов молодежи коренных национальностей. Например, доля грузин и эстонцев в республиканских учебных заведениях сельскохозяйственного профиля уже превышала их удельный вес в населении республик (соответственно 94 и 90%), а доля молдаван и узбеков была ниже. К настоящему времени показатели участия молодежи коренных национальностей разных союзных республик в формировании новых кадров сельскохозяйственной интеллигенции заметно выровнялись. В исследованных нами республиках доля лиц коренных национальностей среди студентов сельскохозяйственных вузов превышает их удельный вес в населении и является наиболее высокой по сравнению с другими высшими учебными заведениями.

Весьма важным процессом с точки зрения социально-культурного и экономического развития наций, роста их интеллектуального потенциала является расширенное воспроизводство национальных кадров научной интеллигенции. Одним из главных каналов подготовки научных работников служат университеты, число которых постоянно растет. Научно-техническая революция повышает потребность в кадрах научных работ-

ников, что ведет к увеличению доли студентов университетов среди всей вузовской молодежи. Этот процесс характерен как для страны в целом, так и для отдельных республик. Доля студентов университетов с 1959 по 1979 г. возросла в Молдавии с 18 до 23%, в Узбекистане — с 12 до 15, в Грузии — с 13 до 19% и т. д.

С первых лет создания университетов в союзных республиках состав их был многонациональным. При этом в течение ряда лет в университетах большинства союзных республик сравнительно высокий процент студентов составляли представители инациональной молодежи. За последние два десятилетия ситуация существенно изменилась. Темпы роста числа студентов университетов из лиц коренных национальностей республик стали особенно высокими. Так, например, численность узбеков, обучающихся в университетах Узбекистана с 1959 по 1979 г., увеличилась в 3,4 раза, а всех студентов этой национальности во всех вузах — в 1,5, грузин — соответственно в 3,7 раза и 1,9 и т. д. Сейчас в обследованных нами республиках доля студентов коренных национальностей, обучающихся в университетах, равна или превышает их долю в населении республик. В то же время, например, в Молдавии и Узбекистане значительную часть студенчества университетов составляют русские. В Эстонии и Грузии, где образовательный уровень коренного населения выше и его интеллигенция относительно многочисленнее, участие инационального населения в пополнении республиканских отрядов университетской молодежи в настоящее время существенно снизилось.

Широкое представительство лиц других национальностей среди республиканской творческой интеллигенции служит ярким показателем интернационализма советского образа жизни, взаимообогащения национальных культур. Однако в различных республиках вузы, готовящие творческую интеллигенцию, еще различаются по национальному составу студентов. Если, например, в вузах художественного профиля Грузии и Эстонии молодежь коренных национальностей представлена так же широко, как и в других высших учебных заведениях, то в Узбекистане и Молдавии участие местного населения в формировании пополнения творческих работников несколько ниже среднего уровня; доля узбеков и молдаван в вузах художественного профиля не превышает 54%, в то время как среди всех студентов лица этих национальностей составляют соответственно 64,5 и 62%. Это отчасти объясняется необходимостью первоочередного решения в данных республиках народнохозяйственных задач, требующих развития других отрядов интеллигенции, где доля коренного населения существенно выше. Необходимо учитывать также, что художественные учебные заведения расположены в основном в городах и имеют меньше заочных отделений; это не очень удобно для сельских жителей, представленных в основном коренными национальностями. Не удивительно поэтому, что в Молдавии и Узбекистане значительную часть студентов вузов, готовящих художественную интеллигенцию, составляет русская молодежь.

Весьма многочисленны отряды национальной интеллигенции среди работников массовых профессий — учителей и медицинского персонала. Эти группы специалистов в большинстве республик комплектовались одними из первых и включали большие отряды представителей коренных национальностей. В конце 50-х годов, например, у молдаван студенты пединститутов составляли более 60% всех обучающихся в вузах, у узбеков — 50%. С ростом удельного веса лиц коренных национальностей среди других профессионально-отраслевых отрядов студенческой молодежи доля будущих педагогов и медиков повсеместно сокращалась. Уменьшились различия между республиками в масштабах подготовки педагогических и медицинских кадров. Некоторые до сих пор сохранившиеся особенности объясняются прежде всего спецификой демографического состава населения, численностью детей, престарелых и т. п. Сейчас в большинстве республик доля лиц коренных национальностей в составе студентов педагогических и медицинских вузов в основном соответствует их доле в населении или даже превышает ее. Это особенно важно для

тех республик, прежде всего среднеазиатских, где среди работников просвещения и здравоохранения еще значителен процент русских, украинцев и других более урбанизированных в прошлом народов. Расширенное воспроизводство педагогического и медицинского персонала из представителей коренных национальностей должно способствовать дальнейшему развитию национальной культуры, более эффективному использованию в области медицины и педагогики лучших национальных традиций, опыта прошлых поколений, старинных народных навыков и т. п.

Динамика национального состава студенчества союзных республик связана с одной из центральных экономических и социальных проблем нашего общества, ставшей особенно актуальной в последние годы, — с проблемой трудовых ресурсов, в частности с перспективами межрегионального перераспределения специалистов. Потребности народного хозяйства республик в специалистах удовлетворяются пока довольно неровно. Например, в Узбекистане, по данным бюро по трудоустройству и информации населения, в 70-х годах спрос на специалистов, в особенности занятых в сфере материального производства, был равен предложению или даже несколько превышал его. А в таких республиках, как Грузия и Эстония, отдельные специалисты не сразу находили работу, соответствующую их квалификации.

В последние годы несколько изменился характер ориентации молодежи разной национальной принадлежности на те или иные формы обучения. В 1978/79 учеб. году по сравнению с 1970/71 конкурс в вузы в целом по стране снизился с 2,4 до 2,2 человек на одно место. За то же время в Таджикистане, например, этот показатель повысился с 2,3 до 2,9, в Туркмении — с 2,4 до 2,9 человек на одно место. Аналогичная ситуация была характерна и для других республик Средней Азии, а также для Азербайджана. Вместе с тем сейчас прослеживается довольно четкая тенденция ко все большей ориентации представителей коренных национальностей республик Европейского региона на получение профессионально-технического образования, что соответствует народнохозяйственным задачам и является результатом планомерно проводимой массовой пропаганды рабочих профессий. Поэтому в республиках Европейского региона, особенно Прибалтики, конкурс в вузы снизился — 1,5—1,8 чел. на одно место. В республиках Закавказья (в том числе в Грузии и Армении) конкурс в вузы, несмотря на некоторое снижение, остается наиболее высоким (3,3—3,7 человек на одно место).

В настоящее время в условиях определенной стабилизации численности студенчества в Грузии и Армении молодежь коренных национальностей все чаще получает высшее образование в других регионах. Подобная миграция, безусловно, способствует усилению межнациональных контактов, развитию двуязычия, расширению общего кругозора молодежи. Однако после окончания высшего учебного заведения молодые люди обычно возвращаются в свои республики, где иногда работают не по специальности. Поэтому возникает потребность в более контролируемом, плановом перераспределении «интеллектуальных ресурсов» республик. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР» отмечалось: «Важно и дальше совершенствовать систему планирования и качество подготовки специалистов, точнее учитывать при их распределении реальные потребности республик и Союза ССР в целом, полнее использовать их творческий потенциал в интересах коммунистического строительства»⁶. Конечно, этот вопрос требует более глубокого изучения, в частности точного учета соотношения отраслевого состава студенчества и рабочих мест различных республик. Вместе с тем помимо объективных важны также и субъективные предпосылки, например, готовность к межреспубликанской миграции. Можно выделить две группы предпосылок: во-первых, позитивные установки на миграцию, во-вторых, способность к адаптации в иноэтнической среде, важнейшим условием ко-

⁶ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. — Коммунист, 1982, № 4.

горой является знание русского языка как языка межнационального общения. Для того чтобы межреспубликанская миграция могла стать реальным фактом, влияющим на распределение специалистов, необходимо совпадение уровня развития объективных и субъективных факторов. Однако такое совпадение наблюдается далеко не всегда. Так, по данным этносоциологического исследования, в середине 1970-х годов среди грузин — специалистов с высшим образованием в городах Грузии лишь 6—7% хотели переехать на новое место, причем подавляющее большинство — в город в пределах республики. Для сравнения отметим, что в Молдавии, например, где доля интеллигенции ниже, чем в Грузии, около 19% молдаван — специалистов с высшим образованием ориентировано на миграцию, в том числе в другие республики. Также соотносятся и показатели двуязычия: 25—30% грузинской городской интеллигенции ответили, что владеют русским языком столь же свободно, как и языком своей национальности; среди указанной категории молдаван этот показатель вдвое выше. Приведенные цифры говорят в пользу гипотезы о том, что темпы воспроизводства интеллигенции коренной национальности не влияют существенно на ее миграционные установки.

В нашей статье мы коснулись лишь некоторых социально-этнических аспектов развития системы высшего образования в союзных республиках. Огромные достижения нашей страны в формировании многонациональной интеллигенции, интенсивный процесс сближения количественных и качественных показателей ее развития у различных национальностей неизбежно вызывают ряд вопросов, требующих дальнейшего внимательного изучения.

И. С. Гурвич, Ч. М. Таксами

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА СССР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Исторический путь, пройденный коренными малочисленными народностями Севера и Дальнего Востока СССР после Великой Октябрьской социалистической революции, неоднократно освещался в этнографической литературе¹. За советский период жители приполярных и заполярных районов благодаря братской интернациональной помощи русского и других народов нашей страны преодолели многовековую отсталость, на социалистической основе перестроили хозяйство, традиционный быт и культуру.

Социальные мероприятия, проведенные на Севере, сказались на языковой жизни народностей тайги и тундры². Однако языковые изменения, так же как и современная языковая ситуация на Севере, еще недостаточно исследованы в нашей литературе. Это обстоятельство побудило авторов настоящей статьи проанализировать изменение общественных функций языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР³ за советский

¹ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971; Увачан В. Н. Народы Севера в условиях развитого социализма. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1977, и др.

² См.: Дешериев Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР. М.: Наука, 1976, с. 60—61; Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975, с. 233—241.

³ Термин «Народности Крайнего Севера» (ранее — «малые народы Севера») стал применяться в советское время для обозначения коренного населения тайги и тундры. Основанием для этого послужили их малочисленность, общая направленность хозяйства (оленьеводство, охота, рыболовство), особенности быта. Согласно перечням, имеющимся в постановлениях правительства СССР и РСФСР, в эту группу включаются